

Николай Златовратский

А. И. Левитов

Николай Златовратский

А. И. Левитов

«Public Domain»

1895

Златовратский Н. Н.

А. И. Левитов / Н. Н. Златовратский — «Public Domain», 1895

ISBN 978-5-457-12476-9

«Когда я был еще студентом, Левитов занимал уже видное место среди молодых русских писателей. Тогда только что вышли его «Степные очерки» в двух маленьких красных книжках, в отдельном издании Генкеля...»

ISBN 978-5-457-12476-9

© Златовратский Н. Н., 1895

© Public Domain, 1895

Содержание

* * *	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Николай Николаевич Златовратский

А. И. Левитов

* * *

Когда я был еще студентом, Левитов занимал уже видное место среди молодых русских писателей. Тогда только что вышли его «Степные очерки» в двух маленьких красных книжках, в отдельном издании Генкеля. Я не скажу, чтобы он особенно читался среди так называемой «большой публики», но в среде молодежи и особенно интеллигентного разночинства рассказы его читались с интересом и любовью. Мягкий, поэтический колорит его степных картин природы и лирических излияний, смягчавший некоторую мрачность выводимых им типов, отрадno действовал на душу тех сотен и тысяч юношей-бедняков, которые покинули свои далекие полуразоренные разночинские гнезда в глухих городках и селах, променяв их на сырые и холодные «каморы с мебелью» в столицах, представлявшихся им «ареной деятельной силы, пытливой мысли и труда». Как ни сумрачны были воспоминания о далеких родных местах, какие возбуждал в них Левитов, но та поэзия, которую умел он разлить по своим картинам и отыскать в сумрачных лицах своих героев, заставляла их переживать нечто такое, что согревало их сердца, наполняло верой и поддерживало в минуты отчаяния в их холодных мансардах. Нужно заметить, что этот поэтический колорит, так ярко проникавший «Степные очерки», был в то время (в 60-х годах) и одним из ярких достоинств Левитова, отличавших его от целой массы второстепенных беллетристов, сильных лишь благими намерениями, и в то же время одной из причин, по которым он не мог быть назван особенно популярным писателем того периода; в его экскурсиях в область поэзии многие видели недостаток, как и в отсутствии модных современных тем. У всякого времени свои задачи, и такую односторонность требований от писателя нельзя всецело поставить в вину тому поколению, но вместе с тем и Левитов не считал себя вправе вполне подчиняться этим требованиям и изменять как себе, так и тем заветам старых поколений, которые ему были дороги: он был воспитан в школе старых поклонников пушкинской и гоголевской поэзии и не только не мог отрицать ее вместе с последователями Писарева, Зайцева и др., но находил в душе своей прямой отзвук ее, и она была его второй натурой, которую он, конечно, не имел ни возможности, ни намерения увечить. Это обстоятельство, по моему мнению, было очень характерно для Левитова и придавало ему, как личности, некоторый своеобразный облик, несколько не соответствовавший существовавшему в то время среднему типу писателя. И это было вполне естественно, так как сам Левитов, как крупный талант, был оригинальная личность, не укладывавшаяся в известные шаблоны. С этой стороны мне прежде всего пришлось узнать его, и прежде всего он ею меня и поразил.

Это было вскоре после моего приезда студенчеством в Петербург. Я имел уже рекомендательную записочку к Левитову в своих руках и «горел нетерпением», как говорят, повидать своего излюбленного автора.

Разыскать Левитова было нелегко; он часто менял свои «комнаты с небилью». Я нашел его в одной из таких комнаток, в третьем этаже, на Гончарной улице, среди обиталищ его излюбленных героев; идя по довольно грязной лестнице, я мог видеть направо и налево вывески сапожников, портных, модных мастериц; чуть ли не в одной из таких квартир занимал комнатку или две и А. И. Левитов. Обстановка была поистине бедная: три-четыре стула, ломберный столик, на котором еще стоял неубранный самовар, кровать и старенький диванчик; на диванчике сидела и шила молодая женщина, худая, бледная, маленькая брюнетка с бойкими глазами – его сожительница, как оказалось, тоже вышедшая из среды облюбован-

ных им «маленьких героев», – а по комнате нервно ходил среднего роста, тоже худой господин с длинными русыми волосами и маленькой жидкой бородкой, в коротеньком старом пиджачке и очках, из-за которых лихорадочно светились беспокойные глаза. Это был сам Александр Иванович; он показался мне сердитым, и я робко передал ему письмо.

– Ну что же, захотели посмотреть, какие такие писатели бывают, – заговорил он, прочитав письмо. – Ну, хорошо, будемте знакомы... Милости просим... Только ведь в нас завидного мало... Сами тоже мечтаете литераторствовать? Не советовал бы... Завидного мало... Впрочем, как для кого: разные бывают они, то есть писатели-то, разные... Что ж, поди, принесли тетрадку, стихи?

Несмотря на сердитый тон всей этой реплики, я не мог не улыбнуться: так много искреннего добродушия светилось под этой внешней суровостью. Тетрадки у меня, к счастью, не оказалось.

– И тетрадки нет? – как будто изумился Александр Иванович. – Ну, так нечего делать – будемте так беседовать. Ох, уж эти мне начинающие писатели! И откуда они только берутся! Ну точь-в-точь мотыльки на огонь летят, такие же несмысли – лезут прямо в пламя. Светло оно бывает – точно, да ведь жжется, ведь сгореть можно в одну секунду, так что и мокренько не останется... Эх! – вздохнул Александр Иванович и махнул рукой: – Уж хоть бы ко мне-то не ходили... Что от меня взять? Я ведь скучный человек, очень скучный, предупреждаю. У других там журфиксы и всякое такое благоустроенное развлечение, а у меня ничего этого нет, батенька... Уж извините, по-простецки.

Я, конечно, заверил Александра Ивановича, что он напрасно так о себе думает, но тем не менее разговор у нас совершенно не клеился. Я чувствовал, что Александр Иванович чем-то сильно расстроен, что он действительно поддерживает со мной разговор ради только любезности, и я уже готов был найти предлог, чтобы уйти, как вдруг Александр Иванович схватил шляпу и сказал мне:

– Знаете что, батюшка, мне необходимо, до зарезу нужно зайти в одно местечко... Уж извините, пожалуйста... Я, знаете, одной минуткой. Ну, самое большое – четверть часа. Пожалуйста подождите. Вы вот с нею побеседуйте, – показал он на свою супругу, – она вас чаем угостит, а я сию минутку вернусь.

И Александр Иванович исчез. Супруга его налила мне стакан чаю, поговорила со мною тоже ради любезности и, наконец, предложила пока почитать книгу.

Прошло полчаса, и я выразил предположение, что Александр Иванович, вероятно, долго не придет и что я думаю – лучше зайти после.

– Да, вероятнее всего, что не придет, – заметила г-жа Левитова. – Это с ним часто бывает... Может быть, встретил кого-нибудь. Притом же теперь он очень расстроен.

Я полюбопытствовал, – что такое с ним случилось?

– Да ничего особенного... Просто – мученик он. Очень уж добросовестен. Вот взял аванс из одной редакции, требуют рассказ, а у него не пишется. Вчера сидел целую ночь – ничего не выходит... То есть выходит все, другой бы и этим был очень доволен, ну только не он.

– Зачем же он так насилует себя?

– Зачем? Он вон говорит: коли ты писатель, так и пиши. Назвался груздем – полезай в кузов. Ишь какой барин! А не хочешь – так ступай сапоги шей, мостовую мости. Ну да ведь это он так говорит только, а потом возьмет да все и изорвет, что за вечер написано, и мучается. В это время с ним лучше уж и не говорить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.